

ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ СИМПОЗИУМ

В апреле 1997 года в Москве состоялся третий международный философский симпозиум, проведенный факультетом гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов и межвузовским Центром по изучению философии и культуры Востока. Российские и зарубежные философы, социологи, историки, политологи, культурологи обсуждали проблемы диалога между различными культурами и цивилизациями, главным образом, между Востоком и Западом. Речь шла, в частности, о влиянии культурных контекстов на дискурсивные практики, национальной идентичности, возможностях компаративного анализа.

Полемика развертывалась вокруг проблемы идентичности русской общественной мысли. В последнее десятилетие XX века в России происходит активная смена категориального аппарата и методологических ориентиров обществоведения. Есть все основания говорить о принципиальных изменениях в российском обществоведческом дискурсе. Преодолевается традиция номенклатурного марксизма, однако представить социальную науку России как целостность пока трудно. Постепенно возвращаются, входят в оборот и становятся нормой исконно русские философские понятия "соборность", "всеединство" и т.п. Однако русская философия и русская общественная мысль никогда не были национально замкнутыми. Сегодня же возрождение русской общественной науки сопряжено с поиском национальной идеи и национальной идентичности. При этом забывается история словосочетания "русская идея", истоки которой коренятся в религиозном сознании. Негативная сторона этого "бума", по мнению профессора **М.А.Маслина**, заключается в политизации идей и образов русской философии, появлении вульгарного антизападничества.

Апокалиптические умонастроения, связанные с постмодернистской парадигмой, выражают себя в проблематизации "конца века", моде на "деконструкцию". Так, по мнению **В.В.Ванчугова**, изначальная маргинальность русской философии влечет за собой "конец" не только русской философии, но и философии вообще. Об этом свидетельствует сложившаяся в России историко-философская традиция постоянных поисков идентичности, отождествление себя "со всеми": с французскими просветителями, немецкими идеалистами, материалистами, марксистами и т.п. Здесь же коренится и проблема самобытности русской общественной мысли. Кризис идентичности, возможно, является основным признаком ее национального своеобразия, — считает В.В.Ванчугов.

Доктор философских наук **В.В.Сербиненко** отметил, что понимание судьбы философии на пороге третьего тысячелетия касается не только русской общественной мысли. Идея идентичности присуща всем интеллектуальным традициям. Существует ли сегодня русская философия как оригинальная, самобытная мысль? Безусловно существует, однако, в первую очередь, в ее историко-философском измерении, ретроспективном прояснении своих истоков и своеобразия. Иными словами, русская философия сегодня — это ее история. "Оригинальное" философствование неизбежно укоренено в историко-философской почве. Перспективы же неопределенны. Что делать философии в эпоху тотального кризиса идентичности? По всей видимости продолжать искать ее подлинные основы в бытии: человеческом, мировом, божественном.

А.И.Абрамов поставил проблему идентичности в иной плоскости — в связи с вопросом о начале русской философии. Различая понятия "философия" и русская "философская культура" профессор усматривает истоки последней в византийских и болгарских основаниях, в духовной культуре Киевской и Московской Руси в философских исканиях России XVIII века. В этом контексте вопрос об идентичности русской философии предстает, по его мнению, в значительной мере как вопрос второстепенный и незначительный.

Насколько взаимосвязаны культура и политика? По мнению профессора **Р.Андерсона** (США), применившего лингвистический подход к анализу политического дискурса, политика независима от культуры, о чем свидетельствует сравнительный анализ метафор, используемых в четырех автономно развивавшихся языках (китайском, английском, уолоф (Сенегал), яванском) для выражения представлений о политике. Культурные различия этих народов не влияют на сходные представления о политике — во всех случаях она трактуется в терминах соперничества. В то же время у людей, занимающихся политикой, формируются сходные черты, позволяющие говорить о создании собственной "культуры", сближающей политических деятелей независимо от культурного фона. Несмотря на то, что для современной политики характерна ориентация на массовую культуру, в своих глубинных основаниях она становится все более самодостаточной и независимой.

В докладе президента Всемирного платоновского общества профессора **Т.Робинсона** (Канада) "Общество и индивид: платоновская традиция" рассматривались особенности социальной доктрины Платона, связанные, как известно, с его неприятием демократических форм государственного устройства. В моральном отношении так называемые демократические общества, по его мнению, были не лучше тирании. В докладе переосмысливается стереотип идеального государства Платона как модели тоталитаризма. Т.Робинсон оптимистически трактует идею "блага" платоновского идеального государства, полагая, что она основана на гармоничном соотношении части и целого, когда целью общества становится благополучие всех классов, его составляющих. Платоновские принципы, по мнению докладчика, являются частью современного европейского мышления, утверждающего право закона защищать интересы общества. При этом не в меньшей степени западноевропейское сообщество культивирует права человека, подчеркивает самоценность индивида. Платон же, создавая модель социального неравенства, менее всего стремился наделить граждан одинаковыми правами. Такое понимание справедливости, по всей видимости, обусловлено конкретными культурно-политическими условиями древнегреческого общества.

И сегодня в различных культурах справедливость и равенство трактуются по-разному, что порождает трудности в оценке и проведении демократических преобразований в традиционных обществах. На этот факт обратила внимание **М.Т.Степанянц**, построившая свой доклад на сравнительном анализе восприятия справедливости в восточных и западных культурах. Если для индийской и китайской цивилизации справедливость как благо для общества в целом есть восстановление определенного нарушенного сакрального и природного баланса, то для Запада справедливость связана с правом, принципами социальной регуляции поведения людей. В индийской и китайской традициях в отличие от западной, "человеческое" измерение справедливости не сводится к равенству.

Именно неравенство социального и культурного статусов людей требует оправдания. Отсюда проистекает столь важное для современной общественной мысли признание ценности различий. При обсуждении доклада были затронуты методологические проблемы компаративистских исследований. В частности, М.Т.Степанянц отметила, что в подобных исследованиях следует отходить от генерализаций, поскольку они ведут к стиранию национально-самобытного, навязывают универсалистские подходы к разнообразию культур.

Особенностям китайской и японской цивилизаций, характеру их взаимодействия с европейской культурой и между собой были посвящены доклады **А.Хантера** (Великобритания) и **А.Маслова** (Институт Дальнего Востока РАН). Выступавшие отметили стереотипную интерпретацию китайской и японской цивилизаций европейскими исследователями, что проистекает, в частности, из принципиальной несовместимости западной психологии и восточных религий. С другой стороны, по утверждению Маслова, "Япония сама во многом создала миф о себе", сформировав расхожие культурные метафоры красоты, совершенства, утонченной духовности и т.п. И все же эта неадекватность восприятия восточных цивилизаций характерна именно для европейской мысли, поскольку, если говорить, например, о способностях японцев воспринимать и копировать чужую культуру, то они поистине безграничны. Средневековая японская культура во многом базировалась на подражании китайским образцам, неким типовым каноническим формам как повторениям истинной традиции. Постепенно происходило искажение типовых форм, формирование собственно японской "культуры символизма". Во многом такая восприимчивость позволила японцам не просто освоить западные технологии, но сделать это заимствование специфически японским явлением.

Об устойчивости межцивилизационного взаимодействия и, в частности, об особенностях мусульманской цивилизации шла речь в докладе профессора **Н.С.Кирабаева**. На протяжении почти шести столетий с VII по XIII вв. мусульманская цивилизация являла собой пример открытости к диалогу и способности к синтезу с другими культурами и цивилизациями. Плодотворность взаимодействия мусульманской и европейской культур определялась, по мнению Н.С.Кирабаева, тем обстоятельством, что они сформировались в ареале единой средиземноморской цивилизации. Устойчивость взаимодействия культур в ее рамках была связана с базовыми принципами единого способа мировидения на основе античной культуры и авраамистической традиции. Возникшее в XV веке противостояние Османского халифата и европейской цивилизации обозначило закат классической мусульманской культуры, с ее принципами толерантности и плюрализма. Сегодня еще нельзя говорить о готовности мусульманского мира к диалогу с другими культурами и цивилизациями. Проблемы остаются, главные среди них — проблема гармонизации ислама, национализма и модернизма.

Доктор **Т.Ибрагим** (Сирия) рассмотрел роль античного наследия в диалоге цивилизаций. В докладе было прослежено родство арабо-мусульманской и западно-христианской культур в лице их двух мировоззренческих составляющих — библейского монотеизма и античной философии. Последняя, возрожденная и модифицированная средневековыми арабо-мусульманскими мыслителями, стала составной частью культуры классического ислама, а не является, как это часто утверждается в историко-философской и компаративистской литературе, делом маргинальных личностей и групп. Первые

концепции о единстве человеческого рода были сформулированы в рамках арабо-мусульманской культуры. Именно мусульманская апологетика античной философии породила тезис о единой философии, *philosophia perennis*, получившем, по мнению Т.Ибрагима, наиболее яркое философское выражение в монотеизме Аверроэса, воспринятом позднее европейской мыслью. Поэтому в рамках единой средиземноморской цивилизации нет деления на Восток и Запад, и античная культура, являясь в первую очередь средиземноморской, равным образом принадлежит как Западу, так и Востоку.

Такого рода универсалистский подход к взаимодействию цивилизаций не разделялся многими участниками симпозиума. В докладе **М.М.Аль-Джанаби** (Ирак) акцентировалась противостояние Востока и Запада в виде традиционной дилеммы мудрости и разума.

Политические проблемы диалога культур были рассмотрены на примере различных культурно-географических регионов. Мифология власти в восточной философской традиции рассматривалась в докладе **М.С.Сварнкура** (Непал). Состояние современной западной политологической мысли было проанализировано в докладе профессора **Т.А.Алексеевой**. Поиск парадигмы "однополюсного мира", сложившегося после "холодной войны", осмысление нового миропорядка, перспектив его развития представляет сегодня важнейшую задачу политических наук. Однако современная теория международных отношений находится в серьезном кризисе, выражающемся в том, что последняя не сумела вырваться из дилеммы "политического реализма" или "политического идеализма". В либерально-идеалистической трактовке практически все вариации нового мирового сообщества, в конечном счете, предполагают распространение по всему миру именно либеральных, а стало быть, западных ценностей и построения нового миропорядка на их основе. Теоретики "реализма", несмотря на имеющиеся элементы новизны в их концепциях, также оказались не в состоянии сформировать принципиально новый взгляд на мировую политику, построенную на каких-либо иных основаниях, чем сила, суверенитет, иерархия, национальные интересы государств и их союзников. Будущее мирового сообщества, в котором Россия хотела бы найти свое достойное место, лежит не в столкновении цивилизаций, не в навязывании ценностей одной из них, а в постепенном переходе к цивилизационной взаимодополнительности.

Критика неолиберализма с позиций латиноамериканской философии освобождения прозвучала в докладе **Р.Форнет-Бетанкура** (Германия). Неолиберальный дискурс, основанный на идее "конца парадигм", навязывает идеологию безальтернативности современного развития. Неолиберальная политика основана на тенденциях глобализации и тотализации рынков и капитала. В результате возникают казарменный капитализм, "глобальная деревня", бедность. Глобализация в ее экономическом и культурном измерении выражается в растущем потребительстве, ставшем законом и смыслом жизни большинства. Причем уровень потребления представляют шкалу "ценностей" одной культуры, претендующей на универсальность. "Логике расчета" философия освобождения противопоставляет "логику жизни", требующей организации материального производства на основе этического императива "спасения жизни" на всех уровнях бытия, включая жизнь природы. Теоретическим выражением этой логики является "проект новой рациональности", предполагающий разработку "социального порядка без отверженных", солидарное бытие. Идеи философии освобождения

в определенной степени сближают ее с некоторыми положениями коммунитаристской этики, поскольку доминирующими здесь являются моральные интуиции, ориентация на добро в его "чистом виде". Понятны истоки такой критики, основанной на чувстве возмущения несправедливостью постиндустриального экономического развития. Однако моральные суждения не могут служить достаточным основанием теоретического анализа.

Контуры посмодернистской метацивилизации обозначил в своем докладе профессор **А.А.Андрияускас** (Литва). Рассматривая постмодернизм как стадию радикального излома в мировой культуре и цивилизации ("принципиальный разрыв в истории"), он отметил, что переход от одной цивилизационной системы к другой всегда осуществляется через хаос. По мнению А.А.Андрияускаса, мы переживаем "надлом" эпохи — изживаем стадию локальных цивилизаций, устремляясь к метацивилизации — цивилизации единого информационного дискурса.

Вопрос о фундаментализме в диалоге культур был затронут в докладе профессора **П.К.Гречко**. Фундаментализм, по его мнению, имеет глубокие корни в архетипах, парадигмах, менталитете и других "метафизических" вещах. Заданная "глубина" не дает возможности перевести диалоговый процесс на уровень конкретных механизмов взаимопонимания, замыкая его на самом себе. Позиция антифундаментализма в его мировоззренческо-методологическом отношении предложена западным постмодернизмом. На Востоке же антифундаменталистские тенденции П.К.Гречко усматривает в буддизме: по аналогии с образом мира в буддизме, состоящим, якобы, из множества дхарм, можно понимать и мозаичный мир диалога. Предлагаемый подход может перевести проблему "Восток-Запад" с уровня бинарной оппозиции на уровень простого различия, вписывающегося в плюралистический, или дхармический мир современной цивилизации.

На основные характеристики диалога культур в постисторический период обратил внимание **А.С.Колесников** (Санкт-Петербург). Такой диалог связан с процессом интеграции — расширением контактов на всех уровнях существования, позволяющих говорить о транснациональных масштабах взаимодействия. Эти масштабы обуславливают и трудности диалога, связанные с неизбежным столкновением ценностей, присущим разным традициям. Один из путей их преодоления А.С.Колесников видит в новом понимании логической всеобщности, предполагающей повышение значения субъективности, саморефлексии исследователя в историко-философской деятельности. Современные средства интеллектуального анализа, созданные феноменологией, постструктурализмом, герменевтикой обнаружили тоталитарность "экстазов разума", показали, что мнимое понимание мира было планом его покорения. Взамен было предложено очарование многообразием и непредсказуемостью мира, акцентирование уникально-личностного характера любого экзистенциального опыта. Открытие множественности субъективности в постмодернизме переопределило понимание основной цели человеческой деятельности, связанной с "производством" субъективности, постоянным прояснением своих взаимоотношений с миром. В результате возникло "свободное пространство созидания", свободное от навязанных общезначимых детерминаций.

Предложенная интерпретация постмодернизма как попытки самореализации, реконструкции "субъективной реальности без субъективности" нашла свое продолжение в выступлении

Н.И.Петякшевой Одна из трактовок постмодернизма как позиции делимитации — преодоления границ между разными сознаниями, историко-культурными традициями, позиции по своей сути герменевтической, представляется наиболее адекватной для переосмысления ситуации "изначального хаоса" как символа современного переходного состояния. В этой связи был поставлен вопрос: насколько постмодернизм как выражение трансфилософской позиции в методологическом отношении идентичен компаративистике? С той и другой стороны очевидно стремление осмыслить плюралистичность современного историко-философского мира и мира в целом в его культурно-историческом измерении. Обе позиции в методологическом отношении так или иначе разрабатывают модель так называемого "номадического" сознания, "кочующего субъекта" современного философского дискурса, способного свободно перемещаться по историко-философскому полю — полю мировой культуры, проникаясь эмпатией, но при этом не теряя собственного "лица". Было высказано предположение, что постмодернистская и компаративистская методология направлены на выработку транскультурного основания современного философского дискурса. Другими словами, это основа, постоянно уточняющая свои границы, основа современного философского диалога.

Н.И.ПЕТЯКШЕВА

Российский университет дружбы народов